

Тематическая сеть языка и культуры

С.Г. Проскурин
НОВОСИБИРСК

Любой язык имеет внутренний порядок лексикона. Любая культура организована в виде сети уложений. В этом смысле мы наблюдаем различные уровни существования языка и культуры, их различные порядки. С одной стороны, в терминологии и культурных концептах обнаруживаются ценности, разделяемые самими членами общества, и как следствие, имеющие особые термины для своего именованя, а с другой – существуют категории, также облеченные в словесную форму, но принадлежащие метаязыку исследователя.

Каков же внутренний порядок лексикона и какова его внутренняя сеть? Прежде всего, словарный состав языка может быть описан в алфавитном порядке. В европейских языках в таких случаях используется слово англ. *dictionary*, франц. *le dictionnaire* etc. Словарь также может быть представлен как совокупность лексических единиц. Ср. англ. *lexis*, фр. *le lexique*. Остается еще один термин – англ. *vocabulary*, фр. *vocabulaire*, «который означает 'лексикон', но лексикон достаточно полный или же лексикон достаточно обширной области, и при этом не выровненный в простом алфавитном порядке»¹. Ср. название книги Э. Бенвениста '*Le vocabulaire des Institutions Indo-Européennes*'. Согласно дифференциальным признакам всех вышеописанных терминов в концептуализации лексикона, именно *vocabulary* позволяет классифицировать сло-

---

© С.Г. Проскурин

* Исследование выполнено при финансовой поддержке АВИЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010), подпрограмма 2.1.3/4541, а так же финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (государственный контракт №02.740.11.0370).

¹ Степанов Ю.С. Слова, понятия, вещи. К новому синтезу в науке о культуре // Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 23.

Критика и семиотика. Вып. 14, 2010. С. 335-353.

варный состав как совокупность тематических групп, внутренняя сеть которого простирается от идей к словам. В связи с этим возникают разнообразные словари языка: идеографические, аналитические, синтетические, топикальные (ср. англ. topical dictionary).

В таких словарях часто название тематических групп дается не словом из лексикона, являющегося предметом анализа, а словом, которое является по отношению к анализируемым языкам термином «метаязыка». Так, Э. Бенвенист в исследовании терминов права индоевропейцев в качестве термина тематической группы сохраняет слово ПРАВО, однако само слово, несомненно, оказывается термином исследователя, т.е. термином метаязыка, а в самом индоевропейском лексиконе не присутствует. Многие индоевропейцы склоняются к тому, чтобы определять сначала концепты или понятия, актуальные на определенном этапе развития семантической сети языка и культуры и лишь затем реконструировать сам термин, функционировавший в протоязыке. Выявившаяся в сравнительно-историческом языкознании узость формальной реконструкции иллюстрируется, например, трудностями, связанными с воссозданием духовных концептов индоевропейской культуры. Разнообразие данных о мире индоевропейцев свидетельствует о целесообразности переориентации анализа с формального на содержательный, т.е. первоначального установления мифологического, концептуального архетипа культурного концепта, а затем только реконструкции возможной лексической праформы, которой не обязательно станет лексический архетип, т.е. форма имеющая высокую представимость в языках индоевропейской семьи. Вероятно, у исследователя концептуальных систем появится возможность на основе реконструкции мифологического архетипа предпочесть какую-нибудь маргинальную или уникальную форму, которая подбирается по ассоциации с доминирующей концептуальной трактовкой понятия¹.

Так, при исследовании тематической группы терминов права Э. Бенвенист обращает внимание на инаковость уложения правовых принципов, которые затрагивают как личность, так и материальные блага индоевропейцев.

«Откуда нам известна правовая организация индоевропейского общества? Имеется ли какой-либо восходящий к эпохе единства термин, означающий право? На поставленный таким образом вопрос, подразумевающий и распространенность понятия, и всю совокупность языков, казалось бы, следует ответить отрицательно. Существует множество слов для права, но они являются специфическими в каждом из языков»². Таким образом, для реконструкции индоевропейского словаря прежде всего важно магистральное концептуальное решение того, что индоевропейцы мыслили как правовое уложение. Э. Бенвенист относит к индоевропейскому состоянию очень важное концептуальное понимание права как «порядка». Это понятие представлено ведийским *rta*, иранским *arta*. «Таково исходное представление правового, а также рели-

¹ Проскурин С.Г. Семиотика индоевропейской культуры. Новосибирск, 2005.

² Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 299.

гиозного и нравственного сознания индоевропейцев: “порядок”, которому подчинены как устройство мира, движения светил, смена времен года и течение лет, так и отношения между богами и людьми и, наконец, сами человеческие отношения. Все, что касается человека и мира, находится во власти «Порядка». Таким образом, это религиозная и нравственная основа всего общества; без этого принципа все возвратилось бы к хаосу»¹. Но описав магистральный концепт индоевропейского представления о праве, Э. Бенвенист приходит к следующему выводу: «корень, общий для скр. *rta*, ир. *arta*, лат. *ars, artus, ritus* “порядок”, как гармоническое соответствие всех частей некоего целого, не дает в индоевропейском производных слов с правовыми значениями»².

Такая позиция Э. Бенвениста оказывается не совсем достоверной. Любопытный факт: идея упорядоченности и ритуала, вопреки мнению, доминировавшему в реконструкциях социальных терминов, все-таки связана с темой права у индоевропейских народов. Так, международные договоры, которые заключались между Византией и Древней Русью, назывались договорами о «мире и ряде». Слово *ряд* того же корня, что и *rta* или *arta*.

А.Н. Сахаров пишет о договоре с Византией 911 года: «С другой стороны, соглашение 911 г. являлось не только договором “мира и любви”, но и “рядом”. Этот “ряд” относится к конкретным сюжетам взаимоотношений двух государств (или их подданных) в сфере и экономической, и политической».

Первая статья говорит о способах различных злодеяний и мерах наказания за них; вторая – об ответственности за убийство, и в частности об имущественной ответственности; третья – об ответственности за умышленные побои; четвертая – об ответственности за воровство и о соответствующих за это наказаниях; пятая – об ответственности за грабеж; шестая – о порядке помощи купцам обеих стран во время их плавания с товарами, помощи потерпевшим кораблекрушение; седьмая – о порядке выкупа пленных – русских и греков; восьмая – о союзной помощи грекам со стороны Руси и о порядке службы руссов в императорской армии; девятая – о практике выкупа других пленников; десятая – о порядке возвращения бежавшей или похищенной челяди; о практике наследования имущества умерших в Византии руссов; двенадцатая – о порядке русской торговли в Византии (статья утеряна); тринадцатая – об ответственности за взятый долг и о наказании за уплату долга.

Таким образом, широкий круг проблем, регулирующих взаимоотношения между двумя государствами и их подданными в наиболее для них жизненных и ставших традиционными сферах, охвачен и регулируется этими тринадцатью конкретными статьями, которые и составляют содержание слова “ряд”³. Данное свидетельство подтверждает связь ритуализации, выраженной в корне *ar/г, т.е. действия, воплощенного в репрезентации космологического, этического и нравственного понимания мира, с правовой терминологией, поскольку слова *ряд* и *ритуал* имеют общий этимологический корень.

¹ Там же. С. 299.

² Там же.

³ Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980.

При этом слово *ряд* относилось к правовым положениям заключенного соглашения и регулированию вопросов исключительно правового характера. В дальнейшем в русской правовой терминологии утверждается концепт «правопорядка».

Сказанное свидетельствует о принципиальной правовой предпосылке права как по-ряд-ка. Наблюдается семиотическое развитие значимостей права как ряда, т.е. некоторого гармонического уложения, которое закрепляет правовые принципы. Затем этот порядок формализуется в русском языке как *правопорядок*. Налицо изменение тематической семантической сети языка и культуры. Как же происходят подобные вещи, когда в языках возникают подобные «тавтологии» как право-порядок?

Ч. Филмор отмечает: «Живя в постоянно меняющемся обществе, мы часто обнаруживаем, что имена хорошо знакомых нам вещей изменились и что мы теперь вынуждены “видеть” эти хорошо знакомые вещи в новом свете. Например, если вы сообщите мне, что вам легче определять время по аналоговым часам (analog watch – выражение, не имеющее никакого смысла всего несколько лет назад), то я буду знать, что вы говорите об обычном ручном хронометре, всем вам знакомом с детства, который совсем недавно был известен как часы. Мой вывод основывается на фразе, которую вы использовали для идентификации объекта; он состоит в том, что вы находите обычные часы более предпочтительными по сравнению с цифровыми (digital) часами, то есть с тем видом часов, которому они противопоставлены (на это указывает слово аналоговые). Единственная причина выбора вами слова ‘аналоговый’ состояла в том, что оно противопоставлено слову ‘цифровой’, и вы ожидали, что использование этого слова приведет к активации в моем сознании другого члена оппозиции... Существует немало “обычных” вещей, получивших особые имена только потому, что в описании, предусматриваемом особым именем, они становились элементами контрастивного множества, другой элемент которого и мотивировал контраст»¹. Таким образом, если поставить задачу определения магистральной концептуальной трактовки того, что ныне понимается как право, мы должны уточнить индоевропейский термин, который мотивирует контраст современных русских правовых терминов *право* и *правопорядок*. Аналогично процессам, протекающим в семантической сети названия часов, т.е. возможности отделить этапы становления терминов на основе принципа «новой значимости», мы можем сформулировать этапы становления формы. Итак, эпоха А – это термин часы, далее эпоха Б – это появление термина цифровые часы с одновременной лексикализацией предмета эпохи А как аналоговых часов. В терминах, описывающих эволюцию права в индоевропейской культуре мы выделяем эпоху А или эпоху предправа – термин от и.е. корня *ag/h, символизовавший порядок (юридический термин: рус. ряд), которая сменяется эпохой Б – эпохой права, характеризующейся юридическими терминами, специфическим для каждого индоевропейского языка: ПРАВО, Law, Droit с параллельным процессом означивания предправа / порядка как правопорядка.

¹ Филмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. XXIII. С. 72–73.

Соответственно, у исследователя семантической сети языка и культуры есть всегда возможность «привнести» термины «метаязыка», т.е. дополнительного языка, и построить тематические группы слов по принципам «иных значимостей».

Это равносильно тому, как если бы мы имели возможность спросить жителя планеты, живущего в 20-х или 30-х годах XX столетия, как называлась война, в которую были вовлечены мировые державы с 1914 по 1919 годы. Разумеется, ответ I мировая война был бы исторически невозможным, поскольку значимость мировой войны еще не имела места и не определялась относительно событий 1940–1945 годов.

Иными словами, метаимена для таксономий будут напоминать семантемы предложения Ч. Филмора:

«During World War I, Ronald Reagan's birth mother dropped his analog watch into the sound hole of the acoustic guitar».

«Во время первой мировой войны мать (по рождению) Рональда Рейгана уронила его аналоговые часы в отверстие деки акустической гитары».

Группа примеров, подобных словосочетанию *аналоговые часы*, включает такие выражения как акустическая гитара – обычная гитара, описанная в противопоставление электрической гитаре; первая мировая, не называвшаяся первой до тех пор, пока вторая мировая война не инициировала счетный фронт; мать по рождению (birth mother), отличающаяся от генетической матери только потому, что современная технология сделала возможным перенесение яйцеклетки из тела одной женщины в тело другой¹. Таким образом, тематическая семантическая сеть языка и культуры всегда предписана определенному хронологическому пласту. Исследователь подобных сетевых отношений в историческом времени всегда должен «плотно закрывать за собой дверь», приобщаясь к внутренней семантической сети определенного исторического текста.

Парадокс теории знака и значимостей состоит в том, что лингвистический знак может быть понят только в тотальности, т.е. в оппозиции, по крайней мере, к одному другому знаку. Только при наличии значимости слово можно применить. В этом смысле евангельское речение «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...» надо понимать не только как единичность изначального, но и как особую двоичность, дифференцированность. Язык возникает тогда, когда возникает первая значимость, которая служит руководством по применению слова. Олицетворение Бога Словом создает дуальный концепт различимости мира. Ср. далее «Оно было в начале у Бога (Слово). Все через него начало быть, и без Него ничего не начало быть. В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин I, 1–5). Отмечая этот важный параметр семиотики – значимость, мы, тем самым, совсем не утверждаем, что двоичность, т.е. бинарность – это исходный принцип семантики. Скорее, мы говорим и о возможности двоичности, троичности и т.д. А это, в свою очередь, является утверждением того, что объект должен быть обозначен больше чем один раз... (ср. и как Бог и как Слово). Здесь следует важное методологическое заключение – семантика возникает не

¹ Там же. С. 73.

только из отношения формы слова / знака к объекту. Семиотическая природа номинации предполагает существование особого отношения, когда рождается дифференциация, т.е. *valeur* «значимость» (по Ф. де Соссюру). Для нас здесь важен сетевой характер связей семантики языка в его происхождении. Значение может быть извлечено только из констелляции слов, поскольку исключительно значимость обеспечивает сигнификацию. Значимости – это своеобразные узлы или центры пересечения (англ. *nodes*), при помощи которых осознается значение отдельных словоформ. Библейский пример показывает, что благодаря синонимизации форм Бог и Слово, становятся ясным смыслом «и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Отсюда следует, что лексикон обладает значениями не столько в силу номинации, а, прежде всего, в виду значимостей, на основе которых он способен распознаваться.

Реконструируя лексикон древней культуры, например, индоевропейской, ученый сталкивается с ситуацией, когда он может исследовать терминологию первого порядка – ценности. Например, концепт и термин *вера*. Однако термин *религия* находится вне системы ценностей носителя в культуре и принадлежит метасистемному порядку – порядку наблюдателя. Любопытно, что ценностные уложения культур – наиболее древние концепты, тогда как метапредикаты абсолютно вторичны по отношению к ним. В русской культуре предикат *Я верую* имеет ядерное значение как ценность и является очень древним. В то же самое время существование утверждения *Я религиозен* возможно только по отношению субъекта культуры с позиции внешнего наблюдателя. «Первое утверждение является непосредственным выражением чего-то, составляющего достояние данной культуры и достояние человека в ней, выражением принадлежащей ему ценности. Второе же – привносится в культуру ее наблюдателем извне, и поэтому не обладает семантической согласованностью с субъектом – говорящим, который (в норме) не может заявлять себя носителем этого предиката. Первое утверждение чем-то близко перформативу (в чем именно, еще предстоит исследовать), тогда как второе напоминает констатив. В самом деле выражение *Я религиозен I am religious*, так же теряет смысл в произнесении от 1-го лица, как, скажем, “*Я ошибочно утверждаю*”, тогда как “*Он ошибочно утверждает*” вполне нормально»¹.

Таким образом, установления и уложения получают в языках и культурах внутренние и внешние оценки, в зависимости от того являются ли они аутосистемными или принадлежащими метасистемному уровню. Так, исследователь древнего индоевропейского права будет всеми силами пытаться осуществить реконструкцию этого понятия. Но его ждет неудача.

Дело в том, что право – метасистемный термин, принадлежащий иному порядку – порядку наблюдателя, а не уровню ценностей субъекта индоевропейской протокультуры. Лексикон языка и культуры имеет различные уровни, которые облакаются в словесные формы, но которые существуют в разных измерениях. Так, ценности культуры, такие как *вера, закон, любовь* представляют собой аутосистемный уровень, который сопрягается с метасистемными, т.е. внесистемными концептами *религия, право, секс...* В современном лексиконе

¹ Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М., 1993. С. 12.

происходит смешение порядков, поскольку говорящий склонен считать, что, если концепт терминологизирован, то сам термин, даже если он принадлежит метауровню, может быть использован как по отношению самой ценности, так и порядку наблюдателя. В современной американской культуре вполне оправдано говорить о себе в терминах метасистем, т.е. системы наблюдателя. Ср. *I am religious*. Под этим понимается принадлежность к определенной конгрегации, и это, само по себе, рассматривается как ценность. Метапредикаты в современной культуре вошли в список ценностей индивидуума. Однако так было не всегда.

Так, И.Ю. Колесов показал, что есть группы предикатов, которые получают свое существование в когнитивном измерении только с позиции внешнего наблюдателя. Например, предикат *таращить (глаза)* возможен, если имеется кто-то еще, кто производит оценивание вашего взгляда. А выражение *я таращу глаза* предстает своего рода в виде неуспешного перформатива типа **Я ошибочно утверждаю*, поскольку для такого утверждения необходим кто-то третий, кто дает такую внешнюю оценку.

«В подобных случаях речь идет о наблюдателе как “внутреннем” компоненте когнитивной сцены – он находится “в кадре” ситуации, описываемой предложением и концептуализируется как неотъемлемая часть события. Ему противопоставлен внешний “закадровый наблюдатель” – субъект восприятия, вынесенный за рамку концептуализации ситуации...»¹. Наблюдатель за кадром соотносится с такими русскими глаголами как *глазеть, коситься, выпялиться* и т.д., в английском языке это глаголы группы *gaze, stare, peer* и т.д. Наличие наблюдателя за кадром препятствует употреблению вышеотмеченных глаголов восприятия в субъективных суждениях от первого лица.

Согласно гипотезе, язык и культура имеют тематическую сетевую структуру, которая предстает в виде особого сочетания аутооператоров и метаоператоров. Данная тематическая сеть аккумулирует ценности субъекта культуры (аутооператоры), иногда описываемые также дополнительно с позиции внешнего наблюдателя и предстающие в виде метатерминов (метаоператоры). Термины с приставкой «мета» в древнегреческом языке имели значение «следования за чем-либо», или «надстраивания над чем-либо». Именно в этом значении такие слова стали частью лексикона. Метаязык – это способ реализации метасемиозиса, т.е. ситуации, когда язык специально искусственно создается для рассуждения о каком-либо другом языке или же для его описания. Метакоммуникативные предикаты, обладающие метакоммуникативной природой по форме, однако принадлежат «внутреннему» языку или этническому языку и не являются искусственно созданными.

Теория о коммуникации может быть построена в рамках аутопоэзиса. Аутопоэтическая природа системы коммуникации предполагает поиск генеративных источников коммуникации в рамках самой системы коммуникации (здесь мы обращаем внимание на работу Никласа Лумана «Введение в системную теорию»). Коммуникация, обладающая аутопоэтической природой, достраивается в процессе актуализации и становится внесистемной, иносистемной

---

¹ Колесов И.Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия. Барнаул, 2008.

или трактуется как метапостроение. Парадокс коммуникативных задач заключается в способности системы в аспекте аутопоззиса порождать метаописания. Так, например, практически никогда не говорят «Я оскорбляю вас». Исключение представляет фрагмент Дж. Остина об игровом ритуальном оскорблении *Beleidigung* «Я оскорбляю вас» в студенческой практике германских университетов. Согласно аутопоэтической интерпретации перформатив *«Я оскорбляю Вас» выходит за пределы аутосистемы и переходит в ряд иносистемных операторов, предполагающих в своей семантике оценку внешнего наблюдателя: *Он оскорбляет, она оскорбляет*. Такие ситуации Дж. Остин называет ситуациями «вне игры».

Метасистемность дескрипций «*Он оскорбляет*», «*Она оскорбляет*» характеризует коммуникацию уже как метапостроение, т.е. построение, находящееся вне перформативного ядра системы и характеризующееся как дескрипция – констатив. Перформативные ядра языка и культуры определяют качество и являются базой для создания метасистем описания. Нам представляется революционной мысль Кристофа Вульфа о том, что перформативы способны создавать, изменять качества пространства и времени¹. Так неявные или пустые перформативы часто приводят к созданию метаописаний или внесистемных операторов. Такие метапостроения уже не принадлежат аутопоэтическому ядру системы, а составляют источник номинаций форм отличных от ценностей разделяемых носителями культуры (ПРАВО, РЕЛИГИЯ, ГЕНДЕР).

Очертив источник такой номинации – перформативное ядро, мы легко можем породить, создавать, генерировать иносистемные описания, подобно математическим операциям с числами, где пустота, т.е. ноль, позволяет строить математические модели. В языке такая пустота стремится к заполнению. Так, перформативное ядро *«*Я ошибочно утверждаю*» создает метакоммуникативную дескрипцию – констатив «*Он ошибочно утверждает*» и т.д. В результате перед нами открывается пространство, имитирующее когнитивные структуры коммуникации. Иногда в таком пространстве сначала может действовать правило «Так не говорят», которое затем пересматривается, и перформативное ядро реинтерпретируется в аспекте нового построения (ср. выше пример с ритуальным оскорблением).

Метакоммуникативные описания² в языке возникают на краю системы и являются источником информации о самой системе. С семиотической точки зрения метакоммуникация составляет маргинальный компонент говорения и тяготеет к описанию и констатации. Но маргинальное положение метакоммуникативных предикатов в сети объясняется свойством антропосемиотической системы. Антропосемиотика отличается от прочих семиотических систем наличием внутренней речи субъекта при означивании.

Феномен когнитивного пространства заставляет нас обратиться к исходному положению метакоммуникации и видеть один из подобных источников в стратегии поиска добавленных смыслов. Однако эти смыслы, стоящие за

¹ См.: Вульф К. Антропология. История. Культура. Философия. СПб., 2007.

² См.: Гуревич Л.С. Когнитивное пространство метакоммуникации. Иркутск, 2009.

системой, имеют в основе аутопоэтическое явление, т.е. аутооператор. Метасистемы способны порождаться аутосистемами, и креативность последних заставляет появляться первые. У. Матурана и Ф. Варела представляют аутопоэзис как основу отделения «жизни» от «нежизни». Аутопоэтическая организация – это организация, которой свойственно постоянное самовоспроизводство. Процесс самовоспроизводства прослеживается как на молекулярном, так и на клеточном уровнях, а также на уровне организмов, что доказывает, что этот процесс постоянен, непрерывен и устойчив. Изучая, как биологические сущности взаимодействуют с миром, Матурана и Варела представляют и собственно когницию как аутопоэтический процесс. На каком то этапе когниция перерастает в метапредикаты, которые начинают описывать саму систему.

Развивая гипотезу об устройении тематической семантической сети языка и культуры, мы утверждаем, что содержание культуры в своей сердцевине осознается в терминах языка как «ценность», переживаемая носителями культуры. Помимо этого, языки и культуры как бы самопроговариваются, порождая смыслы, стоящие за системой, при помощи которых, сама система и описывается. При говорении обе системы часто смешиваются, и дискурс свидетельствует, что сам субъект не одинок в индивидуальном проговаривании. Когда мы говорим, мы не одни присутствуем в нашей речи.

Таким образом, языки и культура предстают в виде сетевого образования, содержащего перформативное ядро как ценность, способную породить метаописания, которые, в свою очередь, могут рассматриваться субъектами как ценности второго порядка. С одной стороны, в центре языка и культуры находятся явные и неявные перформативы, трансформируемые в метаоператоры ритуалов. Ср. перформатив *Я клянусь* > метаоператор *клятва*. Так, в инсценировании и исполнении ритуалов явлен их общий перформативный характер. Такие перформативы создают ядро цивилизации. Французский ученый Р. Дебрэ отмечает, что перформативное ядро представлено в сердцевине иудео-христианского комплекса веры. «Таково весьма таинственное явление: “как делать вещи посредством слов”, и оно тем туманнее, что скрывается среди бела дня, в спокойном и тихом свете. Философ языка назвал его “перформативным высказыванием”, а иудео-христианская традиция – книгой Бытия. “И сказал бог: да будет свет. И стал свет”. Бог – единственный источник высказываний, каковые считаются перформативными в совершенстве (он никогда не говорит без того, чтобы чего-нибудь не делать, каждая из его речей есть действие, и он делает все, что говорит). Космос был его “речевым актом”»¹. Перформативы порождают ритуалы и практики народов, которые существуют в середине тематической семантической сети. Это соответствует природе человека, поскольку понятие центричной позициональности служит для того, чтобы отличить живое и одушевленное, например, от растений.

«У растений нет центра, и для них характерна открытая форма; человек и животные, напротив, определяются своей замкнутой формой, своей центричностью. В то время как у растений их открытая нецентрированная форма соответствует их закрытому позициональному полю, прежде всего, из-за отсутствия возможности передвижения, у животных и людей замкнутая центри-

¹ Дебрэ Р. Введение в медиологию М., 2009. С. 183.

рованная форма соответствует открытому позициональному полю, в котором человек и животные могут перемещаться. Растения, у которых отсутствуют центральные органы, посылающие импульсы к передвижению, непосредственно включены в свое окружение. Живые существа, имеющие центр, только опосредованно входят в свою окружающую среду. Они могут отмежеваться от своего окружения... При центрической позициональности дело доходит до противопоставления многогранности тела его центру. ...Человек живет как середина, в качестве Я – эксцентрично. Ему доступен центр его позициональности. Он экс-центрично в состоянии дистанцироваться от самого себя»¹.

Установив, что человек и его семиосфера имеют середину, которую мы обозначили вслед за антропологической терминосистемой К. Вульфа (но не Дж. Остина) «перформативным ядром», перейдем к обсуждению проблемы исчисления при помощи таких перформативных ядер более крупных единств: жанровых текстов, ритуалов, сценариев.

Многие культуры, испытывая на себе переход от устного характера коммуникации к письменной фиксации информации, рожают новое перформативное ядро – ядро письменной культуры. Но ранняя письменность сохраняет некоторые реликты устности, так, например, многие тексты называемые «говорящая вещь», несут в себе след устности – неодушевленный объект описывается в терминах говорящего. Поскольку говорящий – обязательная черта устной культуры, постольку ранние письменные тексты непременно фиксируют этот признак устности. Любопытно, что датировка таких надписей свидетельствует об их появлении в период обретения письменности.

«Меланфий посвятил меня, статую, Зевсу Фиванскому»

Египетская бронзовая база для статуэтки из Мемфиса с греческой посвятельной надписью (третья четверть VI в. до н. э.)

¹ Вульф К. Антропология. История, культура, философия. СПб., 2007. С. 38–39.

Мюридах меня сделал (изготовил)¹ (Alnmouth (название надписи – в соответствии с местом обнаружения).

Alnmouth – каменный столб, найденный в 1789 г. в Нортумбрии, с вырезанной на нем англосаксонскими заглавными буквами надписью (вероятно, X в.)

Сам характер надписей на монументах, вещах и предметах, повествующих о происхождении или принадлежности, свидетельствует о их перформативной природе. Так, материальная выраженность описываемого предмета, например, статуэтки Зевса Фиванского, о котором говорится в надписи на бронзовой базе из Мемфиса, собственно имплицитно перформативное высказывание: Я своим наличием свидетельствую, что / «Меланфий посвятил меня, статую, Зевсу Фиванскому». Совокупность таких надписей, имеющих имплицитный перформативный характер, формирует перформативные ядра культуры².

Приведенные примеры позволяют говорить о кумулятивных свойствах культуры. Так как язык, в свою очередь, является ее частью, представляется возможным предположить, что в письменных культурах раннего периода действуют такие же закономерности, как в эволюции транспортных средств, архитектуре, моде, то есть в семиотических системах, связанных с переходными периодами. Одним из проявлений кумулятивности на уровне языка в период перехода от устной культуры к письменной выступает, по нашему мнению, аутореферентность.

Явление аутореферентности состоит в том, что говорящий (пишущий) заявляет о себе в создаваемом тексте, называет себя, причем на первый взгляд

¹ Okasha E. Anglo-Saxon Non-Runic Inscriptions. L., 1971. P. 48.

² См.: Проскурин С.Г., Центнер А.С. К предистории письменной культуры. Архаическая семиотика индоевропейцев. Новосибирск, 2009. Глава 3.

кажется, что это происходит без видимой необходимости. Представленные выше англосаксонские нерунические надписи указывают, «что создатель вещи и автор надписи остаются за текстом, а на первый план выходит вещь. Автор надписи и производитель артефакта сливаются, присутствует амбивалентность, которая выталкивает на первый план субъекта, не являющегося автором или производителем артефакта»¹. Далее, А.С. Центнер отмечает: «Интересен тот факт, что в качестве адресанта надписи выступает не мастер или владелец, а сама вещь, предмет, на который эта надпись нанесена, таким образом, неодушевленный объект обретает дар речи, становится “говорящей вещью”».

Почему предмет “говорит” от первого лица? Мы считаем это чертой, унаследованной от устной культуры. В устной культуре субъект речи и ситуация общения неотделимы друг от друга, поэтому субъект неизбежно присутствует в речи и в ранних письменных памятниках необходим для того, чтобы надписи выполняли свою функцию, доносили информацию, читались. Использование формы 1 лица позволяет имитировать речь, предмет замещает говорящего, выступая в его роли².

Любопытный факт: в одной из более поздних англосаксонских нерунических надписей на латинском языке обнаруживается указание на процесс письма:

ТОКИ: МЕ:СКРИПСИТ

Токи меня написал

По-прежнему фактический и текстовый адресанты не совпадают, но изменения уже заметны, так как теперь говорит не вещь, а сам текст, то есть появляется «говорящая надпись». Данный пример, делает вывод А.С. Центнер, иллюстрирует сочетание устности (все еще необходимость в имитации речи) и письменности (осознание наличия письма).

При рассмотрении такого жанра надписей в эпоху ранней письменности необходимо отказаться от их символической интерпретации как персонификации объекта, на котором делается надпись. То есть перед нами – не «говорящая ВЕЩЬ», а «ГОВОРЯЩАЯ вещь» Как мы показали с А.С. Центнер, такие надписи аккумулируют прецедентную черту устности и инкорпорируют ее в письменный памятник. В результате происходит ритуализация письменности в обширном пространстве индоевропейских культур. Мы регистрируем перформативное ядро ранней письменной культуры. Одновременно с переходом от язычества к христианству существует период аномальных двоеверных текстов (т.е. текстов с языческой и христианской темами одновременно)³.

Для объяснения концепта перформативности важны три аспекта. Первый был развит в культурной антропологии; он относится к различным формам культурных исполнений (Мильтон Зингер). Второй аспект был разработан

¹ Проскурин С.Г., Центнер А.С. К предистории письменной культуры. Архаическая семиотика индоевропейцев. Новосибирск, 2009. С. 30.

² Там же. С. 33.

³ См.: Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М., 1993.

в философии языка, в которых речь идет о перформативных высказываниях (Джон Остин). Третий аспект указывает на эстетическую сторону – искусство перформанса. В центре его находится инсценирование и исполнения тела, его возможности представления и выражения. Перформативность используется как производное понятие, охватывающее все эти взаимосвязи, которое можно определить как скрещивание культурного исполнения, речи как действия и (эстетического) инсценирования и исполнения тела¹.

Отмеченные перформативные ядра / блоки – это ценности культуры, которые иногда описываются со стороны внешнего наблюдателя как ритуалы. Редко, когда исполняющий ритуал согласится с тем, что он исполняет ритуал. Для него исполняемое – ценность культуры. При этом в искусстве и культуре любое повторение содержит в себе моменты преобразования. Они могут быть разной силы, от незначительного отклонения и вплоть до нового творения.

Так, в исследованной нами на предмет надписей «говорящая вещь» англосаксонской культуре происходит преобразование техники надписей в новый жанр. Появляется монументальная надпись, выполненная на так называемом Рутвельском кресте (Ruthwell cross), представляющая собой текст уже в жанре видения. Субъект видения – неодушевленный предмет – сам Крест, на котором распяли Иисуса Христа. Текст является руническим памятником на нортумбрийском диалекте, названный «рутвельским» по месту на севере Англии, где он был найден. На всех четырех сторонах креста есть надписи, две из них выполнены на латыни, в две других – рунами. Как пишет И.В. Шапошникова: «Эти надписи датируются серединой VIII в. Каждая из них содержит несколько строк из поэмы “The Dream of the Rood”, которая сохранилась полностью (всего 156 строк) в более поздней копии, относящейся к X в. Эта рукопись и помогла ученым-филологам восстановить те руны в надписях на самом кресте, которые отсутствовали совсем или были частично повреждены»².

Ниже мы приводим древнеанглийский текст в латинице, в котором реконструированные слова и буквы в поврежденных частях креста указываются в квадратных скобках.

1
[on] geradæ hinæ god almeġttig,
þa he walde on galgu ġistiga,
[m]odig f[ore allæ] men;
[b]ug [a ic ni darstæ].

2
[ahof] ic riicnæ kyningc,
Heafunæs hlafard; hælda ic ni darstæ.
Bismæradu unġket men þa æt-gad[re].
Ic [wæs] miþ blodæ [b]istemi[d],
Bi[gotten of his sidan].

¹ Вульф К. Антропология. История, культура, философия. СПб., 2007. С. 147.

² Шапошникова И.В. История английского языка. Новосибирск, 2009. С. 132.

3
 Crist wæs on rodi;
 Hweþræ þer fusæ fearran cwomu
 Æþþilæ till anum; ic þæt al bi[heald].
 S[are] ic w[æ]s mi[b] so[r]gum gidroe[fi]d;
 H[n]ag [ic hweþræ þam secgum til handa].

4
 Miþ strelum giwundad
 Alegdun hiæ hinæ limwoerignæ;
 Gistoddu[m] him [æt] his [l]icæs [hea]f[du]m;
 [bih]ea[l]du[n h]iæ þe[r]
 [heafunæs hlafard]¹.

А вот буквальный перевод этого стихотворения на английский язык:

1
 God almighty stripped Himself
 When He would mount upon the gallows (the cross),
 Courageous before all men;
 I (the cross) durst not bow down.

2
 I (the cross) reared up the rotal King,
 The Lord of heaven; I durst not bend down.
 Men reviled us two (the cross and Christ) both together.
 I was moistened with the blood poured forth from His side.

3
 Christ was upon the cross;
 Howbeit, thither came eagerly from afar
 Princes to (see) that One; I beheld all that
 Sorely was I afflicted with sorrows;
 I submitted however to the men's hands.

4
 Wounded with arrows,
 They laid Him down, weary in His limbs.
 They stood beside Him, at the head of His corpse
 They beheld there the Lord of heaven².

¹ The Anglo-Saxon Minor Poems. N.Y., 1942. P. 115.

² Skeat W.W. A Concise Etymological Dictionary of the English Language. Oxford, 1935.

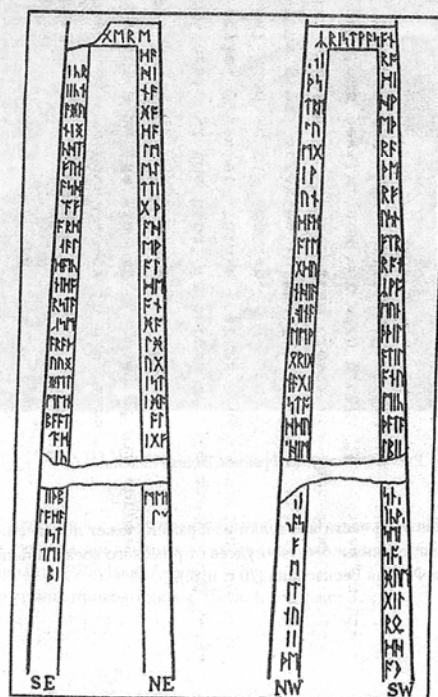
Создание монументальной надписи на материальном объекте – кресте из Рутвелла – жидется на двух тенденциях в развитии письменной культуры англосаксов. С одной стороны, надпись является промежуточным звеном между текстом поэмы «*The Dream of the Rood*» и жанром надписей «говорящая вещь», с другой стороны, текст относится к уже новому самостоятельному жанру видения. Особенность передачи этого жанра в средние века была таковой, что изначально видения включались в тексты прочих сочинений. Как пишет Б.И. Ярхо: «Здесь для средних веков ход эволюции совершенно ясен: видения, сначала играющие лишь служебную роль в составе других сочинений, постепенно эмансипируются и завоевывают себе право на самостоятельную обработку. Самые ранние видения нашей эпохи являются лишь случайным материалом...»¹. Вспомогательный характер ранних видений подвигает нас на то, чтобы рассматривать происхождение монументального текста на кресте как возникшего на новом этапе семиотической эволюции жанровых надписей «говорящая вещь». Однако новый жанр – жанр видения – заставляет по-новому посмотреть на одушевление вещи. Теперь уже это прием. В поэтическом произведении «*The Dream of the Rood*» деревянный крест, наделенный способностью говорить и чувствовать, разделяет страдания своего господина Христа. Этот поэтический и риторический прием олицетворения предмета получил название *просопопея* (*prosopopeia*)². В семиотическом плане текст «Видения Креста», безусловно, самостоятелен, но такое заключение не снимает вопроса о промежуточном эволюционном характере монументальной надписи, поскольку сам текст зарождается на «осколках» устно-письменной культуры (надписи «говорящая вещь»).

Приведем еще одну семиотическую параллель из сферы культуры. «В соборе г. Майнц (Германия) на стенах размещались плиты, изначально служившие надгробными плитами архиепископов (древнейший из этих памятников – Зигфриду III Эпштейнскому). Первоначально плиты располагались горизонтально, то есть как обычные надгробия с каменным изображением покоящихся епископов. Об этом свидетельствует каменная подушка под головами фигур. Лишь позднее плиты стали размещаться вертикально на стенах собора (первый из таких памятников – Конраду II Вейнзбергскому). Затем и сами плиты стали изготавливаться для вертикального расположения (под головой фигур нет подушек, над головой стоящих епископов появляется балдахин). Один из памятников привлекает внимание интересной деталью, позволяющей отнести плиту к периоду перехода от одного стиля к другому: епископ изображен под балдахином и с подушкой под головой, т.е. мы наблюдаем сочетание прежней и новой традиции»³.

¹ Ярхо Б.И. Из книги «Средневековые латинские видения» // Восток–Запад. Исследования, переводы, публикации. М., 1989. С. 31.

² Шапошникова И.В. История английского языка. С. 134.

³ Проскурин С.Г., Центнер А.С. К предьстории письменной культуры. Архаическая семиотика индоевропейцев. Новосибирск, 2009.

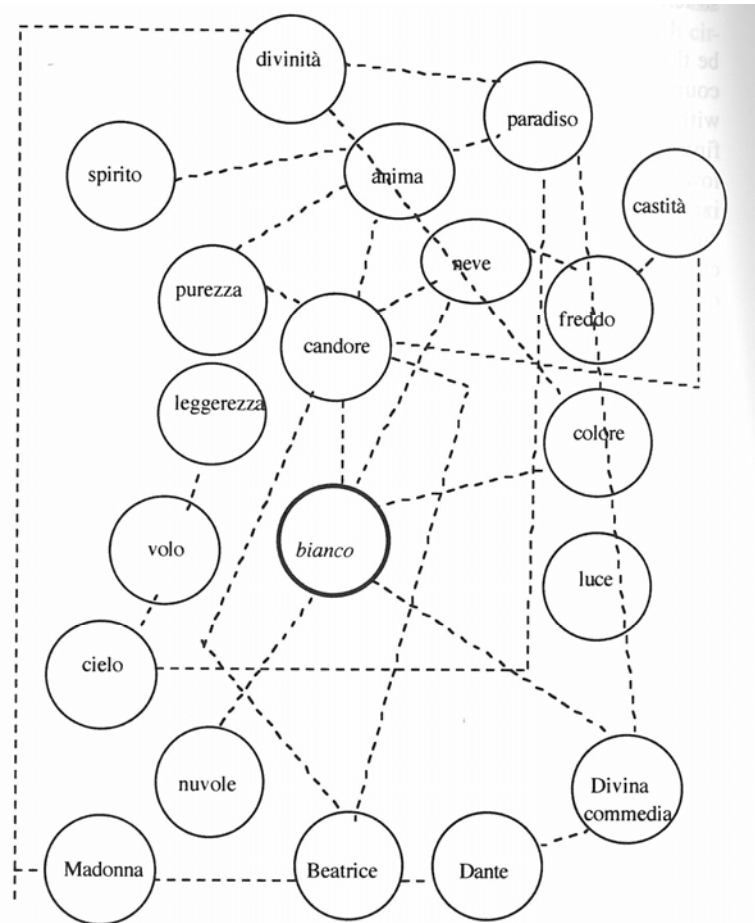

THE RUTHWELL CROSS

The Ruthwell Cross

В плане языка и культуры семантика языка может служить источником информации о нарративных сетях, таких как, например, со словом *bianco* «белый» в итальянском дискурсе. Ниже мы приводим семантическую сеть ассоциативного поля из книги М. Данези.

Коннотативно-ассоциативная сеть *bianco* в итальянском языке и культуре¹.

Однако тематическая семантическая сеть языка и культуры согласно представленным нами данным строится по иным принципам, чем лексические сети нарративного типа, построенные на коннотациях. Ср. ассоциацию (Белое) Беатриче – Данте – Божественная комедия (табл. Вверху), а также аутооператоры и метаоператоры тематической семантической сети языка и культуры (ниже). Лексическая сеть ассоциативного словаря отличается от тематической семантической сети субъекта в культуре, поскольку первая сеть возникает в ассоциациях говорящего, тогда как вторая – имманентно присущая языку и культуре черта.

¹ Danesi M. *Semiotics in Language Education*. Berlin; N.Y., 2000. P. 114.

Сетевая структура языка и культуры, рассматриваемых в их единстве, не поликефальна (т.е. не имеет много центров), а центрирована. В центре осознания культуры, в ее середине, находятся ценности субъекта культуры, им переживаемые и осознаваемые. Кроме того, в ней формируются перформативные ядра / блоки, которые мы называем аутооператоры. Аутооператоры результат действия аутопоэзиса (самопостроения) языка и культурной системы. В них заключена потенция трансформации в метапредикаты, подобно тому как культурные концепты индивидуума семантически сближаются с метатерминами. Например, так относятся друг к другу аутооператоры и метаоператоры: вера и религия, закон и право, любовь и секс.

Аналогично, перформативные ядра воплощаются в различных формах культурного исполнения. Так, изделия производятся, вещи кому-то принадлежат. Иногда это описывается в терминах перформативных высказываний: эксплицитных или имплицитных. Кроме того, эти высказывания часто сопровождаются инсценировкой – искусством перформанса.

С позиции наблюдателя, занимающего положение вовне, те же самые сущности, находящиеся во владении индивидуума, определяются иначе, как ритуалы, жанровые тексты и сценарии. Ср. выше когнитивную сцену *Я та-рашу глаза. Перформативные ядра / блоки способны не только трансформироваться в метапредикаты, но и являются источником развития крупных контентов: жанровых текстов. Так нами выше был описан процесс разворачивания перформативных высказываний в надписи «говорящая вещь», которые в свою очередь, трансформируются в новый жанр – жанр видений, возникающий на новом качественном витке развития культуры.

При говорении субъект языка и культуры ощущает присутствие всех элементов языка и культуры, поскольку в его фразах неразрывно слиты и его собственные ощущения и внешние оценки наблюдателя. В результате многие языки имеют обычаи и традицию, которая корректирует грамматику говорящего накладыванием запретов, табу и т.д. Все это становится возможным вследствие наличия глубинной тематической семантической сети языка и культуры.

Тематическая семантическая сеть языка и культуры

Индивидуум (аутосистема)	Наблюдатель (метасистема)
<p><u>Ценности культуры:</u></p> <p>1) культурные концепты <i>Вера, надежда, любовь, закон</i> (Ю.С. Степанов, С.Г. Проскурин) →</p>	<p><u>Метаязык культуры:</u></p> <p>1) метаязык исследователя <i>право, культура, секс...</i> (Э. Бенвенист) категории: пространство / время; родовидовые понятия: <i>осел (животное), лингвистика (наука)</i> ↓</p>

<p>2) перформативные ядра/блоки *Я оскорбляю, Я клянусь, Я утверждаю, Я свидетельствую →</p>	<p>2) метапредикаты <i>оскорбляет, клянется, утверждает, свидетельствует...</i></p>
<p>а) формы культурного исполнения → (М. Зингер)</p>	<p>↓ а) ритуалы (клятва) ↓</p>
<p>б) перформативные высказывания → (Дж. Остин)</p>	<p>б) жанровые тексты (текст клятвы) ↓</p>
<p>в) искусство перформанса → (К. Вульф)</p>	<p>↓ в) сценарии (возложение текста клятвы перед статуей божества)</p>